

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Вопросы
истории, международных отношений
и
документоведения

Сборник трудов студентов и аспирантов
исторического факультета

Под редакцией профессора В.П. Зиновьева

Издательство Томского университета, 2005

Таким образом "Домострой" и "Пятнадцать радостей брака" позволяют поближе познакомиться со средневековой одеждой Руси и Франции.

Во французских и русских источниках свое отражение нашла христианская вера. Так, по "Домострою", женщина, как жена главы дома и как пример для своих детей обязательно должна была молиться утром и вечером ежедневно, посещать церковь, приглашать священников в дом, что следует из глав первого раздела памятника - "О духовном строении".

В "Пятнадцати радостях брака" подобные наставления отсутствуют, зато часто упоминаются имена святых и имя господя Бога, но всегда бессмысленно и неуместно: "Ах ты, господи, каково моему то скитаться по такой погоде"; "Слава Богу, я до того довела, что нынче могу и говорить, и делать, что мне вздумается ..."; "Клянусь святой Катериной, подружка моя, не хватало еще, чтоб он сейчас явился в дом да подбил вам глаз!" (радость 3).

Автор "Домостроя" требовал от мужа и жены каждую трапезу начинать с молитвы. Так же было принято, судя по тексту "Пятнадцати радостей брака", и во французских религиозных семьях, но иногда этому мешали кумушки и подружки, которые, "явившись к даме в дом, первое, что делали, еще лба не перекрестивши и молитвы не прочтя, это опрокидывали по чарке доброго вина, да по такой немалой, что вряд ли и к утру пробуждались ..." (радость 15).

На протяжении всего произведения французская дама предстает перед читателем как существо коварное, хитрое, завистливое, болтливое, приносящее страдания и позор своему мужу. Вся ее жизнь сосредоточена на посещении веселых собраний с музыкой, танцами и выпивкой; на приобретении все новых и новых нарядов и на свиданиях с поклонниками, которые для дамы куда важнее мужа.

Исходя из этого, сложно говорить о самосовершенствовании дамы, о духовном развитии ее личности. Но зато дама имеет частную, ни от кого не зависящую жизнь, выходящую далеко за рамки ее дома и семьи.

Русская женщина, по "Домострою", является полной противоположностью французской даме: она порядочная и послушная жена, хорошая хозяйка, заботливая мать; "заступница" за слуг и детей перед строгим мужем - государем. Женщина в "Домострое", помимо того, что соблюдает все церковные обряды, - отвечает за семейную благотворительность - нищелюбие и странноприимство, - которые одобрялись церковью и обществом. Все это позволяет выделить духовную сферу в жизни русской женщины. Говорить же о личной ее жизни в современном понимании вряд ли возможно. Как уже отмечалось, в условиях Средневековья частная жизнь женщины была поглощена домашней средой, где главную роль играл ежедневный труд.

При всем вышесказанном важно отметить, что, хотя русский "Домострой" и французские "Пятнадцать радостей брака" являются источником для изучения человека, общества и эпохи Средневековья, не стоит забывать, что они несут на себе отпечаток личности автора, как и всякий другой источник, созданный человеком. В "Домострое" в большей степени отображены идеальные представления автора, то, как бы он хотел видеть действительность - в соответствии с его происхождением, взглядами, принадлежностью к определенной культуре; также как и в "Пятнадцати радостях брака" автор многие черты и явления французского средневекового общества доводит до крайности, до чрезмерного преувеличения и осмеяния.

Но, несомненно, что все вопросы, темы, сюжеты, нашедшие свое отражение в русском и французском источниках, в определенной степени имели отношение к действительности.

Библиографические ссылки

¹ Пятнадцать радостей брака. М., 1991. С. 128.

Е.А. Казакова

Некоторые особенности дневника П.В. Вологодского как источника по истории Гражданской войны в России

В последнее время в изучении истории гражданской войны наблюдается активизация работы по выявлению и публикации новых источников, в том числе мемуарного характера, вышедших из-под пера участников антибольшевистского движения. Многие из них, оказавшись в эмиграции писали мемуары, большая часть которых была опубликована еще в 1920-1930-е гг., некоторые из них в последние годы переиздавались и доступны исследователям¹. Однако остается еще довольно большой массив неопубликованных источников личного происхождения. До недавнего времени к ним можно было отнести и дневники одного из лидеров «белого» движения на востоке России Петра Васильевича Вологодского². Лишь три года назад западными исследователями С. Ляндросом и Д. Вульфом было осуществлено полное двухтомное издание дневников П.В. Вологодского³.

Дневники представляют собой семь толстых тетрадей общим объемом 1230 страниц. И сегодня это, пожалуй, один из наиболее объемных источников такого рода, оставленных участниками антибольшевистского движения. Ценность его заключается еще и в том, что, в отличие от мемуаров, которые есть не что иное, как интерпретация исторических записей, дневник – это документ, т.е.

непосредственно современная для автора информация, а потому дневник более точен в фактологическом материале.

Дневник П.В. Вологодского интересен во многих отношениях, косвенным показателем чего служит далеко неоднозначное отношение к нему со стороны ряда исследователей, которые, в своем большинстве, акцентируют внимание на крайней субъективности, а где-то и на недостоверности содержания, в большом количестве «недомолвок». При этом в своих оценках они исходят из того, что дневник – это разновидность мемуарной литературы. Более верной представляется несколько иная точка зрения – во-первых, дневник является первоисточником; во-вторых, главная его составляющая – информация – носит личный характер и не предназначена для постороннего читателя. В силу этого, содержащиеся в тексте дневника, к примеру, сетования П.В. Вологодского на плохое здоровье, частые высказывания покинуть «тяготивший» его пост премьер-министра в правительстве адмирала А.В. Колчака, на которые чаще всего ссылаются исследователи, следует воспринимать не как попытки оправдать себя и снять вину за совершенные ошибки, а как нормальное желание человека поделиться мыслями, выразить свои чувства.

Необходимо обратить внимание и на мотивы, побудившие автора вести дневник, для чего необходимо проанализировать полный текст дневника, его композицию и содержание, с учетом личностных характеристик автора и особенностей исторической ситуации, в которой была создана та или иная часть дневника.

Мотивы создания личных документов автобиографического характера весьма разнообразны. К ним можно отнести такие, как самооправдание, самовыражение, склонность к порядку и учету, склонность к литературному творчеству, потребность обдумать жизнь, освобождение от душевного напряжения, покаяние, желание увековечить себя и расквитаться с врагами и некоторые другие⁴.

П.В. Вологодский писал свой дневник «для себя, для своей семьи, может быть для небольшого круга своих друзей». Он признавал, что в его дневнике «много личных элементов, семейных переживаний, горестей и радостей», но он ошибался, говоря, что до них «никому нет дела»⁵. Внимание сохраняется до сих пор, причем интерпретируются эти элементы далеко не в пользу автора.

В последние годы жизни, в процессе подготовки дневника к печати П.В. Вологодский успел переработать две из семи тетрадей своего дневника, вычеркнув из них все, что имеет личный характер, и здесь мы никакого «самооправдания и покаяния» не найдем. Вместе с тем, вычеркнул он и то, «что при современных обстоятельствах еще рано оглашать»⁶. Это подтверждает, что дневник действительно писался «для себя», но в качестве основы для будущих воспоминаний. Второй мотив, появившийся позднее, Петр Васильевич упомянул в своих записях за 1919 г.: «Надо подробнее записать ход этого заседания. Кто знает, что станет с нами. Дойдут ли наши протоколы до будущего историка? ...Это будет лишним шансом оставить следы наших действий»⁷. Эта фраза, на первый взгляд, может натолкнуть на мысль, что Петр Васильевич лукавил и дневник писал уже не «для себя», но вспомним о намерении создать мемуары, и, становится ясно, что он стремился максимально облегчить свою будущую работу мемуариста.

Теперь обратимся к тексту, в первую очередь, к его композиции. В течение приблизительно шести месяцев (то есть того времени, когда П.В. Вологодский играл основную роль в политике белых правительств) он, по утверждения С. Ляндреса и Д. Вульфа, использовал общий подход, т.е. записывал отрывочные комментарии, короткие наблюдения, часто с сокращениями на отрывочных листах своей записной книжки. И только на следующий день или через день, вносил записи в дневник⁸. Затем дневник за 1918 г. был переписан им набело, уже без сокращений, полными предложениями, со всеми инициалами, с учетом будущих воспоминаний. Это объясняет и решение автора излагать большую часть сведений очень сухо. Давая подробные систематические отчеты о событиях, он не дополнял их комментариями и оценками, редко давая характеристику фигурам, к которым, как мы знаем из других источников, испытывал неприязнь. Особенно это прослеживается в записях периода гражданской войны. Внутренний мир автора практически закрыт для читателя, дневник не проливает свет на какую-либо сторону жизни самого Вологодского. Лишь после переезда в Китай Петр Васильевич стал вести записи более открыто, но даже здесь его общий стиль остается по существу неизменным⁹.

Таким образом, дневник П.В. Вологодского является ценным, но до сих пор слабо изученным источником по истории «белого» движения на Востоке России. Между тем, несмотря на сухое изложение, эти дневниковые записи отличаются большой информативностью, так как автор находился в гуще описываемых событий и стремился как можно точнее и подробнее их фиксировать. Это позволяет не только восполнить некоторые имеющиеся пробелы и ошибки исторической канвы событий, но и воссоздать подлинную роль П.В. Вологодского в истории антибольшевистского движения.

Библиографические ссылки

¹ См., например: Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918-1920 гг (Впечатления и мысли члена Омского правительства) Пекин. Общ-во Возрождения, 1921 Т 1 327 с.; Т 2 609 с., Гражданская война в Сибири и Северной области / Составил С.А. Алексеев под редакцией и с предисловием Н.Л. Мешерякова М.-Л.: Госиздат, 1927. 480 с., Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке. Воспоминания, материалы, документы Пг. Былое, 1923 190 с.; Крель Л.А. За три года. Воспоминания, впечатления, встречи. Владивосток «Свободная Россия», 1922. 212 с.; Серебрянников И.И. Мои воспоминания // Гражданская война в России Великий отход М. ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003 Т. 1 В революции (1917-1919). С. 255-491, Т. 2. В эмиграции (1920-1924). С. 491-659.

² Нельзя сказать, что этот, во многом уникальный источник, не был известен исследователям, более того, он существует даже в нескольких экземплярах. Один – в Гуверовском архиве института войны, революции и мира США, другой – с 1920-х гг находится в Государственном архиве Российской Федерации. Именно его нередко цитировали исследователи, а часть его (ноябрь 1918 – ноябрь 1919 гг.) была опубликована в 1995 г., но без каких бы то ни было комментариев редакторов.

³ Дневник (1918 – 1925) // *A chronicle of the civil war in Siberia and exile in China the diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii (1918 – 1925)* Hoover Institution Press Stanford University Stanford, California Т 1 С. 75-455, Т. 2 С 9-282.

⁴ См.: Логинова Н.А. Биографический метод в свете идей Б.Г. Ананьева // *Вопросы психологии*, 1986. № 5 С 106

⁵ От автора дневника // ЦГИА СПб. Ф 2297. Оп. 1. Д 2. Л. 9об. В то же время, западные исследователи, С. Ляндрес и Д. Вульф, напротив, считают, что в тексте дневника совсем немного личной информации // См.: Lyandres S., Wulff D. P.V. *Vologodskii and his diary // A chronicle of the civil war ..* С. 36

⁶ От автора дневника // ЦГИА СПб Ф 2297. Оп. 1. Д 2 Л 9об.

⁷ Дневник (1918 – 1925) // *A chronicle of the civil war .* С. 263

⁸ Lyandres S., Wulff D P V *Vologodskii and his diary // Там же* С 34

⁹ Там же С. 36.

Г.А. Арышева

Реклама в томских газетах второй половины XIX в. как исторический источник: методы изучения

Развитие исторической науки связано с усилением внимания к источниковедческой базе. Активно идёт введение в научный оборот разнохарактерных, как традиционных, так и нетрадиционных источников. Меняются представления о шкале ценностей источников. К числу значимых и в то же время малоизученных источников относится реклама, в частности газетная. Из неё исследователь может почерпнуть ценный фактический материал, отсутствующий в других письменных источниках.

Реклама привлекала внимание исследователей, но в большинстве случаев использовалась как иллюстративный материал. Она, вне всякого сомнения, заслуживает комплексного анализа, раскрывающего основные особенности данного источника, его информативную ценность.

Тема газетной рекламы является актуальной в наши дни, поскольку в любом цивилизованном обществе существует большое количество газет и приложений к ним, содержащих рекламу.

Несмотря на частые обращения историков к периодической печати, источниковедческих работ, специально посвященных периодической печати, мало. Следует отметить соответствующие разделы в учебниках по источниковедению (статьи С.С. Дмитриева¹, В.В. Кабанова²). Но ни в одном из учебников газетная реклама не рассматривается. Правда, С.С. Дмитриев одним из первых выделил объявления в качестве особой группы источников. Интересна работа С.Ф. Галанина³ по исследованию рекламы на материале казанских газет. При работе с томской периодикой второй половины XIX в. был использован автореферат диссертации С.Ф. Галанина.

Реклама в газетах не достаточно широко рассматривалась как исторический источник ранее. Она практически не являлась самостоятельным объектом источниковедческого анализа. Очень важно, что изучение газет по рекламному материалу может быть полезно для реконструкции прошлого по новому ещё не изучавшемуся источнику.

Объект исследования – газеты Томска второй половины XIX в. Предмет исследования – потенциал газетной рекламной информации для возможного дальнейшего восстановления хозяйственно-экономической и культурной жизни Томска того времени.

Рассмотрение рекламы на материале томских газет не случайно. Томск во второй половине XIX в. – крупный экономический и культурный центр Сибири и России в целом. Томск обладал развитой для провинции прессой. Хронологические рамки исследования определяются тем, что в 1857 г. в Томске стала выходить первая газета – «Томские губернские ведомости», которая имела большое значение, поскольку столичные газеты, были слабо осведомлены о жизни периферии, они не могли отвечать ни запросам провинциального читателя, ни потребностям экономического и культурного развития края. Верхняя хронологическая граница связана с тем, что с начала XX в. в Томске начинается качественно новый этап экономического и культурного развития. Это обстоятельство связано с рядом причин: открытие в 1888 г. первого в Сибири императорского университета в Томске, строительство Сибирской железной дороги, и как следствие экономический подъём.

При исследовании газетной рекламы необходимо учитывать, что с одной стороны, многие рекламные материалы в газетах индивидуальны, с другой, являются отображением общего, повторяющегося, и могут рассматриваться как массовый источник. С этим связаны особенности методики изучения рекламы – возможность применения как описательных, так и количественных методов.

Поскольку при работе с газетной рекламой имеем дело с массовым материалом, то нет необходимости изучать все единицы наблюдения, а достаточно рассмотреть лишь выборочную совокупность. При рассмотрении рекламы в томских газетах была применена типичная выборка (среди годовых комплектов изданий проведён пропорциональный отбор, исходя из необходимой численности единиц наблюдения для выборки).

В настоящее время возрос интерес историков к прикладным математическим наукам, увеличилось